

Глобальное военное присутствие во внешней политике США: аспекты американской стратегической культуры

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация.

Американская стратегическая культура характеризуется уникальным набором ценностей, убеждений и принципов, которые отличают ее от прочих национальных стратегических культур. К ним относятся: пуританская трудовая этика, концепция американской исключительности, дух фронтира, продвижение демократических ценностей, идея глобального лидерства и акцент на военно-технологическом превосходстве. Эти компоненты способствовали эволюции американского стратегического мировоззрения, несмотря на особенности партийной системы США, влияние политического дискурса и глобальных событий, таких как две мировые войны, холодная война и распад Советского Союза. Деструктивность американской стратегической культуры обусловлена продвижением либерального мирового порядка, основанного на действиях международно-политических институтов, которые придерживаются правил игры, инициированных Соединенными Штатами Америки. Данные правила учитывают интересы лишь американцев и их сателлитов и не предусматривают равноправное существование остальных государств в системе международных отношений ввиду активной американской идеи о собственной исключительности и богоизбранности. Цель данной статьи – исследовать, как американская стратегическая культура повлияла на современную внешнюю политику США в отношении реализации направления сетевых блоковых союзов. Для достижения данной цели были использованы методы анализа документов для раскрытия доктринальных оснований внешней политики США, системный подход и институциональный анализ для изучения сетевых блоковых систем с участием США в современном мире. По итогам исследования было выявлено, что разрушительный характер сетевого подхода ведения внешней политики США является результатом использования стратегии непрямых действий и особенностей американской стратегической культуры, примером чего могут служить военные альянсы в Атлантическом и Тихом океанах.

Ключевые слова: американская стратегическая культура, внешняя политика, США, международные отношения, НАТО, AUKUS

Для цитирования: Кожухова К. Е. Глобальное военное присутствие во внешней политике США: аспекты американской стратегической культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 16–24.

Original article

Global military presence in US foreign policy: aspects of American strategic culture

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract.

American strategic culture is characterized by a unique set of values, beliefs, and principles that distinguish it from other national strategic cultures. These include: a puritanical work ethic, the concept of American exceptionalism, the spirit of the frontier, the promotion of democratic values, the idea of global leadership, and an emphasis on military and technological superiority. These

elements contributed to the continuity and evolution of the American strategic worldview, despite the peculiarities of the US party system, the influence of political discourse and global events such as the two World wars, the Cold War and the collapse of the Soviet Union. The destructiveness of the American strategic culture is conditioned by the promotion of a liberal world order based on the actions of international political institutions that adhere to the rules of the game initiated by the United States of America. These rules consider the interests of only Americans and their satellites and do not provide for the equal existence of other states in the system of international relations due to the active American idea of their own exclusivity and God-chosen. The purpose of this article is to explore how American strategic culture has influenced modern US foreign policy in relation to the implementation of the direction of network block alliances. To achieve this goal, document analysis methods were used to uncover the doctrinal foundations of US foreign policy, a systematic approach, and institutional analysis to study network block systems involving the United States in the modern world. The study revealed that the destructive nature of the US network approach is the result of the use of indirect strategies in US foreign policy, as exemplified by military alliances in the Atlantic and Pacific Oceans, as these alliances are seen as a continuation of traditional US foreign policy practices.

Keywords: American strategic culture; foreign policy; USA; international relations; NATO; AUKUS

For citation: Kozhukhova, K.E. (2025). Global military presence in US foreign policy: aspects of American strategic culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 16–24. (In Russ.)

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ США

Американская стратегическая культура формировалась с начала основания Соединенных Штатов Америки в 1776 году, являясь одной из самых молодых стратегических культур, но тем не менее весьма весомой и конкурентоспособной по отношению к более древним представительным национальным стратегическим культурам, например, китайской. Американская стратегическая культура является частью англосаксонской, перенимая «наследственную» форму от британской колониальной стратегической культуры. Именно национальная стратегическая культура США определяет современный курс американской внешней политики и существования страны в целом.

Американская стратегическая культура как политический феномен активно изучается в Российской Федерации и за рубежом, в том числе американским научным сообществом. Среди наиболее знаковых работ по данной тематике стоит выделить труды Дж. М. Т. Оуэнса [Owens, 1986], К. Лорда [Lord, 1985], Д. П. Адамски [Adamsky, 2008], О. П. Иванова [Иванов, 2007], М. И. Рыхтика [Рыхтик, 2003]. Особую актуальность представляет собой труд К. М. Картчнера, Б. Д. Боуэна и Дж. Л. Джонсона «Справочник Рутледжа по стратегической культуре» [Kartchner, Bowen, Johnson, 2023].

Касаясь означенного понятия после изучения литературы по исследуемому вопросу, отметим, что *американская стратегическая культура* может

быть определена автором как особый внешнеполитический взгляд американского народа на решение проблем национальной безопасности. Таким образом, понятие американской стратегической культуры включает в себя значительный спектр общественных явлений. К их числу относится восприятие угрозы, убеждение о природе силы восприятие угрозы, убеждения о природе силы для реагирования на возникающую острую ситуацию, детерминирующий поведение страны на международной арене, которое имеет выраженный протекционистский характер в отношении внешне- и внутреннополитических ценностей и интересов.

Основными характеристиками американской стратегической культуры, с позиции автора, являются: глобальное влияние, исключительность и мессианская роль в мировом политическом процессе, доминирование и проецирование своего политико-идеологического мировоззрения с целью обеспечения благополучия страны; подход к миру с позиции уверенности и силы, военно-технологическое первенство.

Для понимания современной практики американской внешнеполитической деятельности и места стратегической культуры в ней стоит обратиться к краткому историческому экскурсу. После перехода международной системы отношений к Ялтинской системе США выдвинулись в мировые лидеры. Как отмечает полковник Народно-освободительной армии Китая, научный сотрудник Национального университета обороны НОАК Доу Гоцин, «США превратились из маргинала в центр

мировой сцены»¹. При этом процесс обретения США мировой гегемонии после Первой мировой войны – это не просто вопрос превращения слабых американских вооруженных сил в сильных в военном и техническом отношении, но и использование Соединенными Штатами своей национальной мощи (накопленной в ходе внутренней колонизации в формате подвижного фронтира) для достижения победы в войнах, обретения военно-технологического превосходства и формирования международного порядка на фоне драматических изменений на мировой арене.

После Второй мировой войны и по настоящее время американская внешняя политика характеризуется следующими признаками:

- устойчивая, но гибкая национальная большая стратегия, которая позволила извлечь из военно-технологического и экономического превосходства Штатов определенную выгоду: непрекращающиеся конфликты в Евразии и Африке позволяют США, защищенным двумя океанами, получать прибыль из региональных и глобальных конфликтов и вмешиваться в них по своему усмотрению, о чем писал в своей монографии А. А. Сущенцов на примере внешней политики США в 2000-х годах [Сущенцов, 2013], а также А. А. Громуко, рассматривая текущий украинский кризис²;
- использование войн и кризисов для формирования выгодной позиции в международном порядке. Так, причина, по которой США удерживают мировое лидерство, но при этом имеют малые потери и хорошие бенефиции в войнах за последнее столетие, связана с идеей американской «заботы» о мировых делах, что комментирует известный российский исследователь Д. В. Тренин [Тренин, 2025];
- рост экономики и научно-технического развития США шли в параллель с рядом мировых войн и региональных конфликтов, в которых Америка не принимала непосредственного участия как одна из сторон, что давало большое стратегическое преимущество, поскольку не было нужды полностью переводить национальную экономику на военные рельсы, однако существовала возможность сбывать дорогостоящее

вооружение. В качестве примера можно привести войны во Вьетнаме, Корее, израильско-палестинский, а также югославский конфликты³;

- внутренняя мотивация к военной трансформации и адаптации: обновление и усложнение вооружения, привлечение частных военных компаний для существования неподотчетного мировому сообществу военного контингента обусловлены особой американской философией войны (стратегией непрямых действий Б. Лиддел Гарта), что в условиях мировой конкуренции позволяет создавать определенные преимущества для США, как отмечал еще Д. Райдер [Райдер, 2010]. В настоящее время американский политический истеблишмент констатирует, что Штаты постепенно утрачивают военное превосходство, так как другие государства начинают превосходить их по оснащению технологиями⁴. И всё же преимущественно данный сюжет артикулируется вместе с вопросами активизации союзнических обязательств в американских военных альянсах⁵.

Как комментирует политолог Х. М. Саббир Хоссейн, американская большая стратегия исторически опиралась на три основополагающих столпа: многосторонность, экономическое лидерство и военное доминирование. Эти элементы позволили США сохранить относительное превосходство, сформировать и реализовывать американоцентричные международные нормы, а также решать вопросы безопасности и устойчивого экономического роста⁶, что соотносится с концепциями мессианства и исключительности в американской стратегической культуре.

Нельзя не согласиться с тем, что многовековая ложь в основе большой американской

³ В Китае подсчитали количество войн, к которым причастны США // Парламентская газета, 2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-kitaе-podschitali-kolichestvo-voyn-k-kotorym-prichastny-ssha.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴ Бывший вице-президент Дэн Куйэй: США теряют военное превосходство в мире // Российская газета, 2024.

URL: <https://rg.ru/2024/10/22/byvshij-vice-prezident-den-kuejil-ssha-teriaut-voennoe-prevoshodstvo-v-mire.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁵ В США признали, что не в состоянии конкурировать с РФ и КНР и не смогут победить // Российская газета, 2024.

URL: <https://rg.ru/2024/07/30/v-ssha-priznali-chto-ne-v-sostoianii-konkurirovat-s-rf-i-knr-i-ne-smogut-pobedit.html> (дата обращения: 19.09.2025)

⁶ Sabbir Hossain H.M. The Future of American Grand Strategy in the Trump Era // Modern Diplomacy, 2024.

URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/11/24/the-future-of-american-grand-strategy-in-the-trump-era/> (дата обращения: 19.09.2025).

¹ Dou Guoqing. A Century of US Global Strategy // China Us Focus, 2024. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/a-century-of-us-global-strategy> (дата обращения: 19.09.2025).

² Громуко А. Карибский кризис 2.0? Ядерный фактор в прокси-войнах // РСМД, 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karibskiy-krizis-2-0-yadernyy-faktor-v-proksi-voynakh/?phrase_id=97652945 (дата обращения: 19.09.2025).

стратегии. Возглавляя такие альянсы, как НАТО и поддерживая такие институты, как Организация Объединенных Наций, США усиливают свое влияние и продвигают американские демократические ценности в глобальном масштабе. Как справедливо отметили в этой связи В. А. Климов и С. К. Озобищев, исследуя интеграцию систем ПРО и ПВО в работу Североатлантического альянса, НАТО способствовала укреплению доверия среди союзников и «друзей» Штатов, управлению конфликтами в русле непрямых действий, противодействию транснациональным угрозам и институционализации коллективных усилий. Тем самым Штатам удавалось обеспечивать для себя региональную стабильность (как, например, в Скандинавии или в Афганистане) и поддерживать особый международный порядок, основанный на американских правилах [Климов, Озобищев, 2023]. Немаловажно и союзничество Соединенных Штатов со странами, не входящими в НАТО. Это отмечает в своей диссертации О. А. Баженова [Баженова, 2022], что подтверждает выбор сетевой блоковой системы как центра внешнеполитической деятельности Америки.

Получается, что американское стратегическое позиционирование, расходы на оборону, технологическое и когнитивное превосходство лежат в основе способности и одновременно потребности США противостоять угрозам и поддерживать баланс сил в мире.

СЕТЕВОЕ БЛОКОВОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ КАК ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА США

Доктринальные документы Соединенных Штатов Америки, относящиеся к внешней политике и политике обороны и безопасности, могут быть объединены сквозной темой комплексного сдерживания того или иного оппонента США в современной системе международных отношений. В настоящее время, как гласит Стратегия национальной обороны США 2022 года, Россия является для Америки «вызовом», Китай – «стратегическим конкурентом»¹. По словам старшего научного сотрудника Центра международной политики Университета Мейсона Дж. Розпедовски, риторика «образа врага» призывает к усилению правительства США в попытках построения партнерских отношений с союзниками-единомышленниками. При этом милитаризм внешней политики США также способствует сохранению исторических страхов и враждебности

и даже грозит распространить их на новые театры потенциальной вооруженной конфронтации – на Тайвань, Антарктику и в открытый космос², что будет описано ниже на примере Арктики. Таким образом, исходя из понимания американской национальной безопасности любая угроза в отношении интересов Соединенных Штатов должна быть купирована силовой мерой, что отвечает сущности американской стратегической культуры.

Исходя из этого современная американская внешняя политика с учетом влияния национальной стратегической культуры подразделяется на два вектора: военное противостояние Российской Федерации (Евроатлантика) и технологическое сдерживание Китайской Народной Республики (Тихий океан)³. При условии, что открытая конфронтация осуждается современным мировым сообществом, в практику американской внешней политики активно привлекаются военные объединения и альянсы. В общем смысле конфронтация с Россией происходит с участием НАТО, а с Китаем – через систему альянсов в Тихом океане, что отражает мэхэнианский «морской» столп американской стратегической культуры. Остановимся подробнее на анализе данных векторов американской внешней политики.

Анализ научной политологической литературы показал, что Североатлантический альянс является геополитическим конструктом коллективного Запада. Отечественный политолог И. Л. Прохоренко отмечает, что данный конструкт является основой ценностного и организационного единства Запада. Усиление Запада приводит к увеличению совокупного влияния государств-членов и их партнеров и, как следствие, симбиоза и гибридизации, в том числе и в рамках перекрестного по членству с НАТО Европейского Союза [Прохоренко, 2024]. Основным доктринальным и целеполагательным документом в деятельности НАТО в настоящее время является Стратегическая концепция 2022 года. Риторика документа позволяет увидеть сквозную идею англосаксонского мышления в необходимости поддержания демократии в масштабе всей планеты. Центральным звеном концепции является декларация помощи Украине в обретении «независимости», которая определяет и ключевую цель альянса: «обеспечение нашей коллективной обороны, основанной на подходе кругового обзора («360 градусов»)⁴.

¹Is US Foreign Policy a Prisoner of History? // Modern Diplomacy, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/07/15/is-u-s-foreign-policy-a-prisoner-of-history/> (дата обращения: 19.09.2025).

²Стратегическая концепция НАТО // НАТО, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

⁴Там же.

Основными векторами работы НАТО являются реакция на российские действия на Украине, нестабильность в Африке и Ближнем Востоке, что обуславливает вмешательство альянса в конфликтные ситуации, происходящие в данных регионах. Касательно КНР документ содержит информацию о технологическом противоборстве, киберугрозах, исходящих от Китая, и даже попытках Поднебесной расколоть НАТО, что, однако, не дает оснований для применения твердой силы альянсом. По словам О. А. Тимаковой, «приоритет отдается повышению устойчивости государств-членов НАТО к действиям Китая, которые подрывают согласованность сообществ, экономик и демократических институтов *именно* (курсив мой. – К. К.) на пространстве Евро-Атлантики» [Тимакова, 2024, с. 23], куда Китай не входит. При этом альянс активен в сдерживании КНР посредством привлечения помощи партнеров НАТО в регионе АТР как, например, Австралии и Новой Зеландии [Коренев, 2024]. Тем не менее технологическая развитость Китая тревожна для стран альянса, в том числе и в контексте когнитивной войны, так как «китайская армия уделяет внимание разработке и практическому применению в условиях боевых действий бионических деталей, робототехники, экзоскелетов, а также изучает возможности генетического редактирования человека с целью получить бойца с определенными характеристиками» [Гончаренко, Асафов, 2025, с. 40]. В этой связи страны НАТО развивают смертоносные военные системы вооружений с использованием искусственного интеллекта [Шариков, 2024], что в настоящее время реализуется в контексте противостояния с Россией через применение БПЛА в ходе украинского кризиса¹.

Продолжая данный сюжет, подчеркнем, что стратегическое партнерство России и Китая (которое проводится и в рамках военной сферы) заявлено как «попытки подорвать основанный на правилах международный порядок противоречат нашим (имеется в виду НАТО. – К. К.) ценностям и интересам»², т. е. англосаксонская идея мирового порядка идет вразрез с конструктивным глобальным главенством России и Китая ввиду особенностей этих великих держав.

Кроме того, для проведения успешной политики сдерживания двух стран, особенно Российской Федерации, документ призывает к устойчивому

политическому и военному взаимодействию членов альянса, а в случае Европейского Союза привносится немаловажный акцент: «Для развития стратегического партнерства между НАТО и ЕС необходимо всестороннее участие не входящих в ЕС стран НАТО в оборонных усилиях ЕС»³. Таким образом, российская угроза приводит к необходимости для США создать единую посредническую сеть (куда входит и Партнерство ради мира для нечленов НАТО), в которую вовлечены и не обладающие большой военной силой и территорией государства, такие как, например, Румыния, Финляндия и прибалтийские страны. Участие малых государств в «оборонных усилиях» против России является ключевым, так как малые государства делают ставку на коллективную оборону и в ответ позволяют размещать на своей территории системы ПРО и ПВО, а также размещать войска для их дальнейшей переброски [Левандовский, 2024, с. 92].

Получается, что в контексте предполагаемой агрессии России интерес НАТО намеренно присутствует на российских границах в нынешней геополитической ситуации. Продвигаясь на Восток и приближаясь к границам Российской Федерации, НАТО, несомненно, создает угрозу национальной безопасности России. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о деструктивной направленности деятельности НАТО под эгидой Соединенных Штатов, так как искусственное создание угроз и рисков по периметру территории Российской Федерации расшатывает стабильность всего мирового порядка.

Подобные обстоятельства тщательно исследуются в рамках кризиса на Украине. Как комментирует украинский вопрос и роль НАТО в данном конфликтном узле А. И. Подберёзкин, «феномен современной войны на Украине заключается в том, что помимо главных союзников США удалось привлечь в коалицию, ориентированную на длительный срок противостояния с Россией, значительное число других субъектов» [Подберезкин, 2024, с. 31]. Ученый акцентирует внимание на непосредственной выгоде Соединенных Штатов в данном вопросе: «для США, например, смысл заключается в том, чтобы заставить своих союзников-конкурентов максимально поучаствовать в войне, ослабив их позиции в мире, что объективно укрепляет роль США в новом миропорядке, то у многих союзников такой цели быть не может» [там же]. Роль союзничества в рамках НАТО по своей сущности носит сопутствующий характер. В частности Турция, как отмечает отечественный тюрколог М. А. Колесникова, «поддерживая развитие “особых” отношений евроатлантической структуры со странами

¹Уничтожил технику НАТО на 300 млн долларов. Почему дрон "Князь вандал новгородский" не могут сбить // Российская газета, 2025. URL: <https://rg.ru/2025/02/13/pochemu-dron-na-optovolokne-kniaz-vandal-novgorodskij-ne-mogut-sbit.html> (дата обращения: 19.09.2025).

²Стратегическая концепция НАТО // НАТО, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

³Там же.

Центральной Азии и Кавказа, посольства Турции взяли на себя роль “контактного пункта НАТО” в столицах Азербайджана, Туркмении и Киргизии [Колесникова, 2024, с. 183]. Принимая роль аванпоста на подступах к России, Турция пользуется НАТО как внешнеполитическим активом для усилия своих региональных амбиций, что вызывает определенную тревожность после переворота в Сирии.

Аналогичным прецедентом дестабилизации мировой системы является деятельность Североатлантического альянса в Арктике. Политически симптоматична милитаризация данного региона. Она осуществляется посредством вступления в НАТО Швеции в 2023 году и Финляндии – в 2024 годах. Согласно выводам российских исследователей Э. З. Галимуллина, Ю. И. Матвеенко и М. Г. Майорова, «вступление Финляндии и Швеции в НАТО порождает уникальную ситуацию в сфере безопасности, когда *семь из восьми* арктических государств (Россия¹, США, Канада, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) принадлежат к единому военно-политическому блоку» [Галимуллин, Матвеенко, Майоров, 2025, с. 43], что меняет геополитический ландшафт в регионе и, как следствие, порождает ряд вызовов национальной безопасности России и дестабилизацию мирового порядка.

Подобные попытки дестабилизации международной обстановки обусловлены стремлением вывести США в единоличные мировые лидеры. Как считают дубайские исследователи Дж. Б. Серхал и А. Алхаджа, это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, Бразилия, Турция и страны Персидского залива становятся ключевыми средними державами, удерживая свое влияние, как региональное, так и глобальное. Данные государства посредством стратегических, военных и экономических шагов перестраивают международные нормы, ослабляют доминирование Запада и создают более сложный, многополярный глобальный ландшафт, неприемлемый для мессианских Соединенных Штатов.

Во-вторых, такие великие державы как Китай, Россия и Индия также бросают вызов устоявшемуся американоцентричному порядку, причем их внешнеполитическая деятельность требует от Штатов более комплексного реагирования и трудозатрат. В-третьих, США также сталкиваются с меняющимся ландшафтом глобальной безопасности, поскольку конфликты на Украине, в секторе Газа и Судане выявляют ограничения в американском глобальном влиянии².

В свою очередь китайский сюжет во внешней политике США представляет собой особую аналитическую задачу. Поскольку Китайская Народная Республика наращивает свою морскую политику [Навдаева, 2024], то это обстоятельство становится для США новым геополитическим вызовом, особенно в контексте мэхэнианской парадигмы. В 2020 году Совет по национальной безопасности США опубликовал документ «Стратегический подход Соединенных Штатов к Китайской Народной Республике», где в прямой постановке декларируется подрыв национальных интересов США с китайской стороны. Целями-противовесами Соединенных Штатов являются, во-первых, *повышение устойчивости институтов, альянсов и партнерств*, чтобы противостоять вызовам, которые представляет КНР; во-вторых, принуждение Пекина прекратить действия, наносящие ущерб жизненно важным национальным интересам США, а также союзников и партнеров по НАТО³.

Активизация китайского морского влияния и технологическая дуэль КНР и США привела к переосмыслению тихоокеанского региона как политического концепта, что, в свою очередь, означало отход от стандартной, например, для Российской Федерации терминологии «азиатско-тихоокеанский регион» (АТР) и переход к западному «индо-тихоокеанскому региону» (ИТР)⁴. Военный потенциал США как *индотихоокеанской* державы в Тихом океане декларируется в Индотихоокеанской стратегии 2022 года⁵. Его суть можно свести к деятельности сети военных партнерств и альянсов: в Индотихоокеанской стратегии США перечислено пять региональных двусторонних договорных альянсов с зависимыми в отношении Штатов Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами и Таиландом⁶. Также в рамках региона существуют OUAD, АНЗЮС, Межамериканский договор

org/insight/navigating-the-new-global-order-u-s-foreign-policy-in-a-multipolar-era/?srsltid=AfmBOops15kfjXN05tDDy0hfvJPc2VBQNg_Zvp-KUiolrvrjFEbEq; (дата обращения: 19.09.2025).

³United States Strategic Approach to the People's Republic of China. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/US-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴Мэннинг Р. Индотихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике, 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indotihookeanskaya-strategiya-ssha/> (дата обращения: 19.09.2025)

⁵INDOPACIFIC STRATEGY OF THE UNITED STATES. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/US-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

⁶Подробнее см.: Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия // IPDEFENSEFORUM, 2024. URL: <https://ipdefenseforum.com/ru/2024/05/05/00be00b100bd00be00b200bb00b500bd00bd00b0100b1008f-00bd00b800bd00b400be-00d1008200d00b800d1008500be00d00be00ba00d00b500d00b00d00bd00d1008100ba00d00b0100d1008f-00d1008100d1008200d100800d00b0/> (дата обращения: 19.09.2025).

¹Россия приостановила работу в Арктическом совете. – прим. К.К.

²Navigating the New Global Order: US Foreign Policy in a Multipolar Era // Trends Research and Advisory, 2024. URL: <https://trendsresearch.com>.

о взаимопомощи и AUKUS, а также международные разведывательные проекты, например, Five Eyes.

Ранее реакция ключевых региональных игроков, включая Соединенные Штаты, Австралию, Японию и Индию, на растущее влияние Китая в южной части Тихого океана привела к созданию в 2007 году и Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) [Хлопов, 2024]. Этот диалог, первоначально являвшийся дипломатической инициативой, с тех пор расширил свои рамки, охватив более широкую географическую область и включив значительное число стран. «Малабар», совместные военно-морские учения Индии и Соединенных Штатов, которые проводятся с 1992 года и с тех пор, как Япония присоединилась к диалогу в 2014 году, были одной из главных инициатив «четверки» [Губин, 2023]. В настоящее время данный союз является противовесом АСЕАН, что говорит о постепенной региональной дестабилизации ввиду центрального и приоритетного положения АСЕАН как лидирующей организации в данной части мира¹. Аналогично провокационно Вашингтон пытался заручиться поддержкой других прозападных стран в рамках Форума Тихоокеанских островов, целью которого заявлены в том числе политическое лидерство и регионализм².

Кроме того, осознавая потенциальные последствия китайской инициативы «Один пояс, один путь» не только для морской логистики, но и для создания китайских военных объектов и инфраструктуры наблюдения в участвующих странах Южной части Тихого океана, США пригласили «морские демократии» Соединенное Королевство и Австралию принять участие в создании AUKUS. В рамках данной инициативы Соединенные Штаты взяли

на себя обязательство укрепить обороноспособность Австралии, предоставив австралийским ВМС технологии создания атомных подводных лодок, основанные на британских разработках, что является подрывом ДНЯО и дестабилизацией мирового ядерного баланса [Сведенцов, 2024]. Как пишет В. С. Васильев: «углубленное военно-техническое сотрудничество трех стран фактически состоит из двух достаточно самостоятельных программ – по развитию атомного подводного флота и возможностей искусственного интеллекта в сфере безопасности и обороны» [Васильев, 2022]. Немаловажно, что инициатива несет в себе колоссальные инвестиции в Австралию со стороны Великобритании и США и в принципе является убыточным для гражданского сектора экономики, однако попытка создать очередной «непотопляемый авианосец» уже в Тихом океане для англосаксонской тройки гораздо значимее достижения быстрых экономических эффектов. В конечном итоге создание AUKUS вслед за QUAD еще больше отдало симпатии стран Юго-восточной Азии от коллективного Запада ввиду милитаризации южной части Тихого океана [Гарин, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, американская внешняя политика ввиду особенностей стратегической культуры стремится к созданию проамериканской системы международных отношений. Во главе данной системы находятся именно США согласно их мессианским установкам и идеи Богоизбранного народа, а соперники и угрозы будут сдерживаться путем применения силовых методов и непрямых действий. Для более успешного и повсеместного контроля за союзниками и соперниками Соединенные Штаты путем больших экономических и «идейных» влияний поддерживают работу нескольких военных альянсов. Деятельность данных объединений позволяет США вмешиваться в события, происходящие в удаленных от него регионах мира, в зависимости от их заинтересованности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Owens M. T. American Strategic Culture and Civil-Military Relations: The Case of JCS Reform // Naval War College Review, 1986. Vol. 39. No. 2, Article 6.
2. Lord C. American strategic culture // Comparative Strategy, 1985. No 5(3). P. 269–293.
3. Adamsky D.P. American Strategic Culture // American Strategic Culture and the US Revolution in Military Affairs, Norwegian Institute for Defence Studies, 2008. P. 33–48.
4. Иванов О. П. Американская стратегическая культура // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2007. № 1 (204). С. 87–97.
5. Рыхтик М. И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

Политические науки

6. Kartchner K. M., Bowen B. D., Johnson J. L. Routledge Handbook of Strategic Culture (1st ed.). Routledge, 2023.
7. Сушенцов А. А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов. М.: Изд-во МГИМО(У), 2013.
8. Тренин Д. В. Ревизионист, а не революционер // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 35–51.
9. Райдер Д. Американская философия и внешняя политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки: Научный журнал. 2010. № 5. С. 3–24.
10. Климов В., Ознобищев С. Противоракетная оборона США: от защиты национальной территории к обороне НАТО // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 5–15.
11. Баженова О. А. Статус «основного союзника вне НАТО» как инструмент внешнеполитической стратегии США дис. ... канд. полит наук. М., 2022.
12. Прохоренко И. Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 1. С. 141–162.
13. Тимакова О. А. Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 1. С. 20–32.
14. Коренев Е. С. Генезис антироссийской и антикитайской повестки дня в отношениях НАТО с Австралией и Новой Зеландией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. 1. № 1 (62). С. 25–35.
15. Гончаренко А. Р. Асафов А. Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 31–45.
16. Шариков П. А. Регулирование смертоносных автономных систем вооружений: трансатлантический диалог по безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 38–48.
17. Левандовский Н. В. Роль США в трансформации внешней политики европейских стран НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 4 (42). С. 86–111.
18. Подберезкин А. И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 28–45.
19. Колесникова М. А. Отношения Турции и НАТО на современном этапе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2024. Т. 24. № 7. С. 182–185.
20. Галимуллин Э. З., Матвеенко Ю. И., Майоров М. Г. НАТО в Арктике: эволюция политики Североатлантического Альянса в регионе и новые вызовы безопасности // PolitBook. 2025. № 1. С. 41–59.
21. Навдаева М. Е. Военная сила как инструмент реализации интересов Китая на море // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 2. С. 92–106.
22. Хлопов О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 20–32.
23. Губин А. В. Влияние малосторонних форматов в сфере безопасности на международные отношения в Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4 (67). С. 136–146.
24. Сведенцов В. Л. Значение AUKUS для Австралии в контексте геополитического соперничества США и КНР // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 6(87). С. 196–223.
25. Васильев В. С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4 (116). С. 234–257.
26. Гарин А. А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 223–233.

REFERENCES

1. Owens, M. T. (1986). American Strategic Culture and Civil-Military Relations: The Case of JCS Reform // Naval War College Review, 39, 2, 6.
2. Lord, C. (1985). American strategic culture. Comparative Strategy, 5(3), 269–293.
3. Adamsky, D. P. (2008). American Strategic Culture. American Strategic Culture and the US Revolution in Military Affairs, Norwegian Institute for Defence Studies, 33–48.
4. Ivanov, O. P. (2007). Amerikanskaja strategicheskaja kul'tura = American Strategic Culture. Observer, 1(204), 87–97. (In Russ.)
5. Ryhtik, M. I. (2003). Strategicheskaja kul'tura i novaja konsepcija nacional'noj bezopasnosti SShA = Strategic culture and the new concept of national security of the USA. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies, 1, 203–219. (In Russ.)
6. Kartchner, K. M., Bowen, B. D., Johnson, J. L. (2023). Routledge Handbook of Strategic Culture. Routledge.
7. Sushentsov, A. A. (2013). Ocherki politiki SSHA v regional'nykh konfliktakh 2000-kh godov = Essays on US Policy in Regional Conflicts of the 2000s. Moscow: MGIMO-University Press. (In Russ.)
8. Trenin, D. V. (2025). Revisionist, not a Revolutionary. Russia in Global Politics, 23(3), 35–51. (In Russ.)
9. Ryder, D. (2010). American Philosophy and Foreign Policy. Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences, 5, 3–24. (In Russ.)
10. Klimov, V., & Oznobishchev, S. (2023). US Missile Defense: From National Territory Defense to NATO Defense. World Economy and International Relations, 67(12), 5–15. (In Russ.)

11. Bazhenova, O. A. (2022). The Status of «Major Non-NATO Ally» as a Tool of US Foreign Policy Strategy. PhD. Moscow. (In Russ.)
12. Prokhorenko, I. L. (2024). NATO Partnership Policy: From Military Alliance to Security Community and Back. Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics, 16(1), 141–162. (In Russ.)
13. Timakova, O. A. (2024). China as a «Systemic Challenge» to NATO's Strategic Interests. Problems of the Post-Soviet Space, 11(1), 20–32. (In Russ.)
14. Korenev, E. S. (2024). Genesiz antirossijskoj i antikitajskoj povestki dnja v otnoshenijah NATO s Avstraliej i Novoj Zelandiej = Genesis of the Anti-Russian and Anti-Chinese Agenda in NATO Relations with Australia and New Zealand. Southeast Asia: Current Development, 1(62), 25–35. (In Russ.)
15. Goncharenko, A. R., Asafov, A. N. (2025). Concept of Cognitive War: NATO Preparation for Future Conflicts. Bulletin of Tula State University. Humanities, 1, 31–45. (In Russ.)
16. Sharikov, P. A. (2024). International Regulation of Lethal Autonomous Weapon Security Dialogue. World Economy and International Relations, 68(12), 38–48. (In Russ.)
17. Levandovskij, N. V. (2024). The role of the USA in the transformation of foreign policy of European NATO countries. Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID Rossii. Rossija i mir, 4(42), 86–111. (In Russ.)
18. Podberezkin, A. I. (2024). The modern strategy of United States and NATO in Ukraine. Observer, 3(404), 28–45. (In Russ.)
19. Kolesnikova, M. A. (2024). Contemporary turcey-NATO relations. Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavjanskogo universiteta, 24(7), 182–185. (In Russ.)
20. Galimullin, E. Z., Matveenko, Ju. I., & Majorov, M. G. (2025). NATO in the Arctic: evolution of the North Atlantic Alliance policy in the region and new security challenges. PolitBook, 1, 41–59. (In Russ.)
21. Navdaeva, M. E. (2024). Military force as a tool for realizing China's interests at sea. Aziatsko-tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo, 26(2), 92–106. (In Russ.)
22. Hlopov, O. A. (2024). Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) in the Indo-Pacific region: challenges and prospects. Upravlencheskoe konsultirovanie, 3(183), 20–32. (In Russ.)
23. Gubin, A. V. (2023). Influence of multilateral security formats on international relations in East Asia. Ojukmena. Regionovedcheskie issledovaniya, 4(67), 136–146. (In Russ.)
24. Svedencov, V. L. (2024). The significance of AUKUS for Australia in the context of US-China geopolitical rivalry. Problemy nacional'noj strategii, 6(87), 196–223. (In Russ.)
25. Vasilev, V. S. (2022). Anglo-Saxon tablets of the growing global civilizational confrontation. Aktual'nye problemy Evropy, 4(116), 234–257. (In Russ.)
26. Garin, A. A. (2022). The significance of AUKUS for the South Pacific: implications for Australia's foreign policy and security. Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitiya, 1(1), 223–233. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент

доцент кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgen'evna

PhD (Political Sciences), Associate Professor

Associate Professor of the Department of Political Science

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.09.2025
20.10.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication